

А. А. ФОРМОЗОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДРЕВНОСТЕЙ
МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

Александр Александрович Формозов
Исследователи древностей
Москвы и Подмосковья

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180696

Исследователи древностей Москвы и Подмосковья: Рукописные памятники Древней Руси;
Москва; 2007
ISBN 5-9551-0133-0

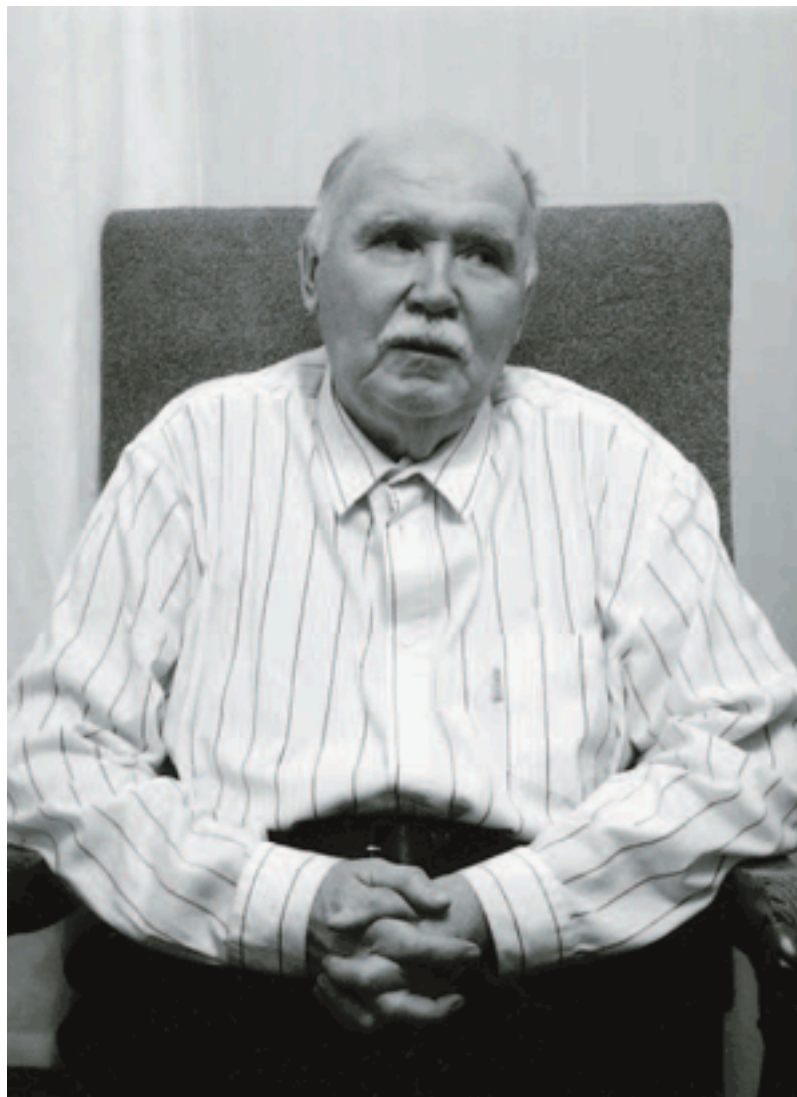
Аннотация

В книге рассказывается о людях, исследовавших археологические памятники Москвы и Подмосковья – курганы, городища, стоянки первобытной эпохи. Охвачен период с 1820-х до 1940-х годов. Материал рассмотрен на широком историко-культурном фоне.

Содержание

Введение	5
Глава 1	9
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Формозов Исследователи древностей Москвы и Подмосковья

Александр Александрович Формозов родился в 1928 г. в Москве. В 1951 г. окончил исторический факультет Московского университета. Более 50 лет проработал в Институте археологии Российской Академии наук. Опубликовал около 300 статей и 28 книг. Занимался первобытной археологией, первобытным искусством, историей науки. В данной книге автор рассказывает о людях, исследовавших археологические памятники Москвы и Подмосковья в XIX – первой половине XX вв. По сравнению с первым изданием 1988 г. в текст введено много не использованных ранее материалов.

Введение

В наши дни любой очерк истории Москвы или Подмосковья начинается с рассказа о древнейших обитателях этого края. Точно так же в Музее истории Москвы, в Областном краеведческом музее в городе Истре и во всех районных музеях области первые залы отведены для показа археологических находок.

Посетители, осматривающие эти экспонаты, и читатели, знакомящиеся с прошлым столицы по книгам, узнают, что центральные районы страны были освоены человеком еще в каменном веке. Особенно много здесь неолитических стоянок IV–III тысячелетий до нашей эры. Охотники и рыболовы, селившиеся в ту эпоху по берегам рек и озер, умели искусно обрабатывать кремль и кость и лепили от руки глиняные яйцевидные сосуды, украшая их стенки ямками и отпечатками покрытого зубчиками штампа.

Во II тысячелетии до нашей эры в Подмосковье появились первые скотоводы, пользовавшиеся наряду с камнем медью и бронзой. Об этих племенах мы знаем по раскопкам не стоянок, а могильников, называемых по месту первой находки фатьяновскими. В таких могильниках нередко встречаются тщательно отполированные и просверленные для крепления на рукояти каменные топоры, то простой клиновидной формы, то более сложных, даже вычурных очертаний – ладьевидные.

Начало железного века в Подмосковье – период с VII века до нашей эры по середину I тысячелетия нашей эры – характеризуется городищами «дьякова типа». Они названы так по Дьякову городищу у Коломенского – первому памятнику этого рода, изученному путем раскопок еще сто лет назад.

Городища представляют собой остатки укрепленных поселений. На них всегда можно различить следы оборонительных линий – валы и рвы. За земляным валом и стоявшим на нем деревянным тыном в минуту опасности люди прятались сами и укрывали от нападения иноплеменников главное свое богатство – скот. На дьяковских городищах каменные орудия попадаются сравнительно редко. Их заменили железные. Широко использовались и костяные изделия. Сосуды, по-прежнему лепные, покрыты отпечатками ткани. Находят тут и предметы из меди – в основном украшения, детали костюма и конской упряжи.

В науке нет единого мнения о том, на каких языках говорили люди, жившие на неолитических стоянках и дьяковских поселениях и похороненные на фатьяновских кладбищах. Зато совершенно бесспорно, что многочисленные курганы Подмосковья насыпаны над древнерусскими захоронениями XII–XIV веков. В это время на Руси уже распространилось христианство, но сохранялись старые языческие обряды. Над могилой сородича возводили земляной холм, а на тот свет покойника сопровождали сосуды с пищей, а порой и орудия труда. Женщин хоронили с украшениями – металлической гривной или бусами на шее, браслетами и перстнями на руках и своеобразными кольцами, вплетавшимися в волосы или закреплявшимися на ленте около висков. Глиняные горшки в курганах уже не лепные, а сделанные на гончарном круге мастерами-ремесленниками.

Установлено, что основная масса подмосковных курганов оставлена потомками упоминаемого в летописях древнерусского племени вятичей. Но в северной половине области находят вещи других типов, характерных для соседнего племени – летописных кривичей.

Наконец, археология может немало дать и для изучения самой древней Москвы, раскрывая слабо отраженные в письменных источниках особенности быта рядовых горожан. При всевозможных земляных работах в старых частях столицы и при специальных раскопках собраны богатые коллекции глиняных сосудов с черными, как бы прокопченными,

а затем старательно проложенными стенками, красивых печных изразцов с орнаментом и изображениями и другой средневековой утвари.¹

Таким образом, благодаря археологии можно проследить и основные этапы в развитии культуры в Московском крае на протяжении, по меньшей мере, пяти тысячелетий, и прогресс древнего производства, и смену разных по происхождению племен и народов и т. д. Все это касается не только окрестностей столицы. На площади самого города, огромной по размеру (878,7 км², 40 км с севера на юг, 30 – с запада на восток) и связанной с наиболее удобными для поселения местами, обнаружены и неолитические стоянки, и могильники фатьяновского типа, и дьяковские городища, и курганы вятичей, и, конечно, остатки средневековья.

Бегло намеченная здесь периодизация сложилась в науке к началу XX века. Если мы раскроем первый том «Истории города Москвы» И. Е. Забелина, изданный при жизни автора в 1902 и 1905 годах, то мы еще не найдем там сведений ни о стоянках каменного века, ни о фатьяновских могильниках, ни о дьяковских городищах. Впервые эти материалы были введены в общий обзор истории нашего города в 1909 году в очерке академика Д. Н. Анучина, написанном для многотомного издания «Москва в ее прошлом и настоящем».

Ранние этапы истории Подмосковья восстанавливались по крупицам в ходе исследований нескольких поколений замечательных русских ученых. Имена их знают далеко не все из сегодняшних москвичей. О поисках, достижениях, заблуждениях деятелей отечественной науки, занимавшихся древностями Москвы и Подмосковья, я и хочу рассказать в этой книжке.

С какого момента мы вправе начать? Находки разных старинных вещей, безусловно, не раз и не два делали в самые отдаленные времена при рытье землянок и рвов, погребов и котлованов для фундаментов каменных построек, но поняли, что диковинные предметы, попадающиеся в грунте, заслуживают внимания, не очень скоро.

Первая стоянка эпохи палеолита в Подмосковье была открыта только в 1980 году. Между тем можно не сомневаться, что на следы ее люди натолкнулись несколькими столетиями раньше. Дело в том, что стоянка расположена не в каком-то глухом месте, а на том самом мысу, где стоит Зарайский кремль. Те, кто в 1531 году подготовляли закладку стен на мысу, не могли не увидеть в земле громадные кости мамонта и острые кремневые осколки. Вполне вероятно, что кто-нибудь из строителей вытащил из глины удивительные по размерам кости, вспомнил, разглядывая их, о легендарных великанах – волотах, а другой поднял кремневый резец или скребок и приспособил его для кресала. Но никто не счел нужным сохранить кремни и кости, описать, хотя бы кратко, столь необычную находку.

Первые известные нам археологические наблюдения в Московском Кремле относятся к 1838 году. А ведь какие-то древние вещи должны были находить здесь и раньше, при многочисленных строительных работах, например, при рытье котлована для неосуществленного баженовского дворца 1769–1770 годов. Не исключено, что отдельные встретившиеся там средневековые изделия заметили, но их не сберегли, не зарисовали, не описали.

Значит, наш рассказ следует начать с того момента, когда появились первые упоминания о древностях в печати и были сделаны попытки их научного истолкования. А отмечается это лишь в 1820-х годах, в пушкинскую эпоху. Археология Москвы как особая научная проблема возникла менее двух столетий тому назад.

Это не так уж мало. Но вспомним, что в Италии раскопки вели еще в период Ренессанса, да и в России в других районах к ним приступили уже в XVII–XVIII веках. В 1960 году академик А. П. Окладников выступил с докладом «Триста лет сибирской археологии». Действительно, для Сибири с середины XVII века есть сведения о раскопках курганов (правда,

¹ Популярный очерк московских древностей см.: Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973.

с кладоискательскими целями), о поисках древних горных разработок – чудских копей, о вызвавших любопытство у путешественников первобытных рисунках на скалах. В начале XVIII века некоторые сибиряки составляли коллекции древностей, а в 1722 году были проведены первые научные раскопки могильника у Абаканска.² На протяжении XVIII столетия экспедиции Петербургской Академии наук выявили много археологических памятников на Иртыше и Енисее, в Забайкалье, в Среднем и Нижнем Поволжье, на Урале и Кавказе. С конца этого века, когда в состав России вошли Крым, Северное Причерноморье, началось изучение руин античных городов Пантикапея и Херсонеса, скифских курганов в Поднепровье.

А вот под Москвой раскопок в те годы еще не было. Почему же? Причин можно назвать несколько. Людям вообще свойственно больше интересоваться далекими экзотическими краями, чем привычным, примелькавшимся с детских лет около дома. Каждый из нас знает москвичей, с удовольствием рассказывающих о своих поездках на Камчатку, Новую Землю или Памир, но ни разу не побывавших в Звенигороде, а то и в Коломенском.

Внешний вид археологических памятников Подмосковья и встречающихся в них находок неизмеримо скромней, чем у аналогичных объектов в Сибири или на Украине. Для всех трех районов типичны курганы. Но в Поднепровье и на Среднем Енисее они достигают колоссальных размеров – до 20 метров в высоту. Там при раскопках находят золотые вещи художественной работы, иногда привезенные из Греции или Передней Азии, иногда изготовленные местными мастерами. В Подмосковье ничего подобного нет. Насыпи здесь маленькие, не выше полутора—двух метров, находки же бедны. Тоненькое височное кольцо из низкопробного серебра не привлекает ни как материальная ценность, ни как яркий образец прикладного искусства.

Не забудем и еще одно обстоятельство: на сибирские и причерноморские курганы люди XVII–XVIII веков смотрели как на могилы неведомых народов – язычников, а на подмосковные, – если не как на гробницы предков, то, во всяком случае, как на что-то не совсем чужое. Тревожить прах мертвых казалось здесь кощунством.

Что касается других видов археологических памятников, то в Подмосковье никогда не было ни наскальных рисунков, ни каменных изваяний, ни горных разработок, обративших на себя внимание путешественников по Сибири в XVII–XVIII веках.

Остаются следы древних поселений. Из них особый интерес издавна вызывали руины заброшенных городов с каменными и кирпичными постройками. Уже в XVIII веке русские ученые издали описания нескольких запустевших городов: Болгара под Казанью, Аблаинкита на Иртыше, Сарая на Нижней Волге, Маджар на Северном Кавказе, Херсонеса и Пантикапея в Крыму. В Подмосковье таких развалин нет. Стоянки охотников и рыболовов каменного века, рядовые селища вятичей и кривичей не имеют никаких выраженных признаков на поверхности. Разыскать эти памятники прошлого сумели только специалисты-археологи в XX веке. Городища с их валами и рвами хорошо заметны, и в народе о них всегда знали, но в разрывах на краю береговых укреплений можно увидеть лишь полусгнившие кости да черепки грубо слепленных горшков – на обывательский взгляд, вещи нестоящие. Это не Херсонес с его мраморными колоннами, находками расписных ваз и античных монет.

Наконец, раскопки в Сибири позволяли надеяться, что с их помощью прояснятся какие-то темные места в истории Азии – материка для европейцев все еще малоизвестного. Об истории греческих городов в Причерноморье вполне можно было судить по книгам древних авторов. Но людей XVIII века, воспитанных на идеях классицизма, на преклонении перед античностью, занимало все, что говорило о высокой культуре того времени, – и глиняные светильники, и терракотовые статуэтки, и монеты, и детали каменных зданий. Ну

² Общую характеристику начального этапа в развитии археологии в России см.: Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.

а прошлое Центральной России ученые XVIII века рассчитывали с достаточной полнотой восстановить, используя одни летописи и грамоты.

Так и получилось, что археологические памятники Подмосковья на десятилетия выпали из круга внимания первых русских исследователей отечественной истории.

Положение изменилось в начале XIX века.

Глава 1

Первые исследователи подмосковных городищ Ходаковский и Калайдович

В конце 1819 года в Москве вышел очередной – двадцатый – номер популярнейшего русского журнала «Вестник Европы». Он был основан в 1802 году Николаем Михайловичем Карамзиным (1766–1826), а затем перешел в руки его литературного противника Михаила Трофимовича Каченовского (1775–1842). Новый редактор – профессор Московского университета по кафедре истории – в отличие от своего предшественника заполнял страницы журнала не столько произведениями поэтов и прозаиков, сколько специальными исследованиями, посвященными тем или иным явлениям древности и средневековья. Это вызывало нарекания читателей. Пушкин иронизировал, что «Вестник Европы» целиком ушел в обсуждение таких «животрепещущих» тем, как упомянутые в летописях «куньи мордки».³

И на этот раз в журнале была помещена большая статья, озаглавленная «Разыскания касательно русской истории», но вряд ли кто из подписчиков счел ее малоинтересной. Здесь поднимается вопрос, далеко не безразличный для русского общества в период национального подъема после Отечественной войны 1812 года и в начале движения декабристов. Вопрос состоит в том, была ли культура древнейших славян примитивной или она достигла высокого уровня. Рассматривались тут и пути решения этой проблемы.

Сказав несколько комплиментов «Истории государства Российского» Карамзина, изданной всего год назад и пользовавшейся огромным успехом, автор статьи упрекал историкографа в малом внимании к истокам славянства, по сути дела в отказе от их поисков и характеристики (вероятно, это и привлекало в «Разысканиях» редактора Каченовского). Те, кто пользуется только летописями, составленными христианскими монахами, говорились далее, неминуемо видят более ранний языческий период в искаженном свете, поскольку христиане намеренно изображали язычников грубыми, жалкими дикарями. Ученым надо обратиться к совсем другим материалам – к фольклору, топонимике, этнографии, покинуть кабинеты, «низойти под кровлю селянина», узнать его поверья и обычаи.

Особенно важны в этой связи своеобразные памятники прошлого – городища. «Мне удалось заметить..., – писал автор, – что, где они уцелели, везде сходятся в главных чертах: имеют небольшие кругловатые валы, исключительно из черной земли насыпанные, имеют вход от востока, всегда находятся при реках или источниках на прекраснейших местоположениях, и посреди оных валов нередко примечаются ямки или котловища... Сии городища были святыми... приходскими местами, где свадьбы, венчания и другие обряды языческие совершались».⁴ Городища сооружены не кем иным, как славянами, притом по строгой системе – в четырех – шести или восьми верстах друг от друга, так что по ним легко определить и область расселения славян, и устройство их общества в языческую эпоху. Более того: продолжая исследования, можно будет дойти до «Инды и Гангеса» и выявить корни всей европейской семьи народов (незадолго перед тем было установлено родство санскрита с европейскими языками).

Под статьей стояла незнакомая публике подпись: «Зорян Доленга-Ходаковский..., Гомель под Белицею, 20 липца 1819» («липец» – по-польски «июль»).

Менее чем через год увидела свет вторая работа Ходаковского: «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории». Она была напечатана в

³ Пушкин А. С. Отрывок из литературных летописей // Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949. Т. 11. С. 77–81.

⁴ Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. 1819. Ч. 107. № 20. С. 280.

семи номерах петербургского журнала «Сын отечества» за 1820 год и содержала более развернутое обоснование тезисов, выдвинутых в «Вестнике Европы». Дан тут и список конкретных городищ, разбросанных по просторам России и требующих осмотра и изучения. Среди них названо несколько пунктов в Московской губернии: Вышгород в Вереysком уезде (ныне Наро-Фоминский район), городища в Верее (Владимирова), Малом Ярославце и у села Ладонского в Тарусском уезде.⁵ М. Т. Каченовский нашел нужным перепечатать эту статью с небольшими сокращениями в «Вестнике Европы».⁶

Постепенно до Москвы дошли рассказы о неизвестном русским читателям исследователе славянских древностей. Впервые он выступил в печати в 1818 году в западно-украинском городке Кременце, где находился центр польского просвещения – Лицей. Уже в этой ранней публикации намечена широкая программа сбора материалов о культуре славян-язычников: «Сбережем случайные, но довольно нередкие открытия, которые делаются в земле, – эти разные небольшие статуэтки, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы... Охраним от уничтожения надписи, начертанные на подземных скалах... Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью. Узнаем все названия, какие деревенский люд и его лекарки дают растениям. Соберем, сколько возможно, песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды».⁷

Этот план исследований Ходаковский представил Варшавскому обществу друзей наук, но поддержки там не встретил. В его положениях усмотрели предосудительное восхваление язычества и очернение христианства. Тогда Ходаковский решил познакомиться со своим проектом известного мецената графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826). Сын фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, видный дипломат, государственный канцлер, выйдя в отставку, погрузился в изучение русской старины, субсидировал издания исторических источников, поиски их в монастырях и архивах.⁸ В его-то имение близ Гомеля и приехал Ходаковский из Западной Украины. Граф выслушал посетителя, снабдил его рекомендательным письмом в столицу, но от помощи в организации экспедиции уклонился.

Из Белоруссии Ходаковский направился в Петербург, где предложил «Проект ученого путешествия» министру народного просвещения А. Н. Голицыну. Тот запросил мнения Н. М. Карамзина. Николай Михайлович отозвался о проекте положительно, подчеркнув, в частности, что автор «окажет немалую услугу любителям нашей истории, если, осмотрев на месте ее памятники, в особенности городки, издаст их верное описание».⁹ Проект, поданный министру, и был напечатан в «Сыне отечества».

Москвичи живо откликнулись на эту публикацию. В «Вестнике Европы» помещены четыре письма, сообщавшие о неучтенных в статье археологических памятниках. Один из корреспондентов – Михаил Николаевич Макаров (1785–1847) – интересовался этим кругом тем и раньше. В 1819 году он недоумевал, «почему наши любители древностей, занимаясь одной письменностью летописей, не хотят еще рассматривать и исследовать... немые, но самые любопытнейшие памятники временников, сохранившиеся в архивах самой природы».¹⁰ Теперь он указывал Ходаковскому на Мячковский, или Боровский, курган в 30 километрах от Москвы и на несколько городищ, расположенных по дороге оттуда в Рязань.¹¹

⁵ Ходаковский З. Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын отечества. 1820. Ч. 64. № 38. С. 195, 196.

⁶ Доленга-Ходаковский З. Извлечение из плана путешествия по России для описания древностей славянских // Вестник Европы. 1820. Ч. 113. № 17. С. 30–56; № 18. С. 99–118.

⁷ Цит. по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 76.

⁸ О нем см.: Козлов В. П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX веков. М., 1999. С. 167–230.

⁹ Архив Академии наук СССР. Ф. 30. Оп. 1. № 74. Л. 7.

¹⁰ Макаров М. Н. Краткая записка о некоторых достопамятностях Рязанских и Пронских // Труды Общества любителей

Имя Макарова давно позабыто, но в начале XIX века он пользовался известностью, много писал в стихах и прозе, собирал и публиковал русские песни и сказки, издавал журналы, знал Пушкина, оставил свои воспоминания о нем.¹²

Почему же весьма специальные статьи о древностях заинтересовали читателей? Труд Карамзина удовлетворил отнюдь не всех. Декабристы М. Ф. Орлов и Н. М. Муравьев обвиняли историографа в сознательном замалчивании периода «народоправства», т. е. республики в истории Руси, предшествовавшего «монархии» Рюрика. Объяснить, по каким материалам можно охарактеризовать загадочный период, они, однако, не сумели. Ходаковский отвечал как раз на этот вопрос.

Слово «городище» старинное русское. Означает оно место запустевшего города, как «селище» – место заброшенного села, а «кострище» – след прогоревшего костра. Под городом в данном контексте понимается не крупный населенный пункт с развитыми ремеслом и торговлей, а поселок, хотя бы небольшой, но непременно обнесенный оградой, укреплениями. Как покинутый укрепленный поселок расценивается городище уже в древнейших русских летописях: «Кий... приде к Дунаеви, возлюбил место и сруби городок мал, хотяше сести с родом своим. И не даша ему ту близживущие. Еже и донныне наричают дунайцы городище Киевец».¹³ Ходаковский, как мы видели, интерпретировал городища иначе – как языческие капища.

Сотни сел на Руси носили и носят названия типа «Городище», «Городня», «Городок». Много таких названий попало в «Словарь географический Российской империи», изданный в начале XIX века Афанасием Щекатовым. Ходаковский сделал десятки выписок из этого справочника. Немало древних земляных укреплений находятся в стороне от современных деревень, но и об этих памятниках можно разузнать. Валы и рвы на высоких береговых мысах хорошо заметны. Места, некогда удобные для обороны, позднее служили ориентирами при размежевании земель и т. д. Благодаря этому картотека городищ пополнялась путем расспросов, просмотра карт и планов.

В конце 1820 года Ходаковский получил от Министерства народного просвещения 3000 рублей на свое «ученое путешествие». Начал он с Новгорода Великого и его окрестностей. Обследовав Рюриково городище на правом берегу Волхова, в дальнейшем он сосредоточил силы на раскопках древних могил – сопок и жальников. Наблюдения, сделанные при этом, свидетельствуют о добросовестности и пытливости Ходаковского. К марту 1821 года он «издержал последний рубль из щедрот правительства» и, прервав поездки и раскопки, принялся за составление отчета о них для Министерства просвещения. Увы, эти донесения разочаровали чиновников. От экспедиции ждали сенсационных открытий, а результаты были скромными. На протяжении 1821–1823 годов Ходаковский послал в Петербург кучу писем с сообщениями о новых интересных урочищах. Ответы сначала были уклончивыми, потом совсем прекратились, деньги же не поступили ни разу. В марте 1823 года Министерство вынесло официальное решение – считать экспедицию законченной.

В этот критический для себя период Ходаковский и появился в Москве. Он приехал туда в самом конце 1821 года и прожил в старой столице до весны 1824. Москвичи знали его под именем Зорияна Яковлевича. Полунищий, живший на гроши, взятые в долг у знакомых, одержимый своими идеями, он производил на окружающих странное впечатление. Вот как обрисован он в мемуарах журналиста Ксенофонта Полевого: «всегдашний костюм его

русской словесности. 1819. Ч. 16. С. 122.

¹¹ Макаров М.Н. Письмо к редактору // Вестник Европы. 1820. Ч. 113. № 20. С. 306, 307.

¹² О нем см.: Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич. Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 468–470; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 233; Добролюбов И. В. Библиография писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910. С. 133–135.

¹³ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1. С. 10.

составляли серая куртка и серые шаровары, а на голове что-то вроде суконного колпака. В таком костюме являлся он всюду и обращал на себя внимание солдатскою откровенностью, близкою к грубости. Всех дам, без различия с простолюдинками, называл он „матушка“, всех мужчин – „батюшко“. Он обращался с расспросами ко всякому, нарочно ходил на Болотный рынок и умел выпрашивать у русских мужичков о городках». Там «принимали его то за вора, то за шпиона и таскали на съезжую». Не пренебрегал Ходаковский и посетителями дома Полевых, вплоть до барышень. «Происходили в глазах наших истинно комические сцены... Входит в комнату человек, вовсе ему не знакомый, и еще не успел этот человек сказать, зачем пришел, как Зориан начинает допрашивать его. Кое-как отделавшись от допросчика, он спрашивает – что это – помешанный что ли? – Другие принимали его за пьяного».¹⁴

Все это выглядит достаточно нелепо, но понять, в чем тут дело, нетрудно. Средствами на поездки по городищам Ходаковский не располагал, а желание пополнить список таких памятников было неодолимо. Приходилось довольствоваться сведениями, полученными от случайных собеседников.

Куда больше дало Ходаковскому знакомство с документами Московской межевой канцелярии. Просматривая планы имений, государственных и крестьянских земель, он постоянно встречал новые указания на городища. В письмах в Петербург увлеченный исследователь утверждал, будто количество их равно «числу звезд нашего неба», что их можно собирать «как грибы в благоприятствующую им осень», а после занятий в Межевой конторе удалось учесть 3000 памятников.¹⁵ Итоги этих изысканий были подведены в очередном отчете для Министерства просвещения.

Общался Ходаковский и с московскими учеными и любителями старины – профессором университета Иваном Михайловичем Снегиревым (1793–1868), молодым историком, недавно защитившим магистерскую диссертацию Михаилом Петровичем Погодиным (1800–1875), журналистом Николаем Алексеевичем Полевым (1796–1846) – будущим издателем «Московского телеграфа» и автором «Истории русского народа». Видимо, люди этого круга помогли Ходаковскому осмотреть несколько городищ в окрестностях Москвы. В его письмах и неопубликованных при жизни работах упомянуты городища у села Дьякова, в Кунцеве¹⁶ и Бородине.¹⁷ Побывал он и в Рузе, Радонеже, Дмитрове, Звенигороде и Можайске. Отмечен в его записях Бабий городок в районе Воронова в Подольском уезде¹⁸ (ныне районе). Известен также план, якобы снятый им с Дьякова городища.¹⁹ Данных о том, что на каком-то из заинтересовавших его объектов Ходаковский пробовал вести раскопки, у нас нет.

Архив рос, карта пополнялась все новыми точками, а средств не было не только на экспедицию, но и на кусок хлеба. Это заставило Ходаковского взяться за управление имением одного из тверских помещиков. Весной 1824 года он покинул Москву, а уже в начале 1826 года газета «Северная пчела» сообщила: «Мы получили на сих днях известие, что почтенный изыскатель славянских древностей З. Доленга-Ходаковский скончался в прошедшем ноябре месяце в Тверской губернии. Бумаги его находятся в Москве у одного приятеля. Желательно, чтобы они не были потеряны для нашей литературы».²⁰ Умер и похоронен Ходаковский в селе Петровском. В целом жизнь его сложилась трудно. Наукой вплотную он занимался

¹⁴ Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934. С. 138–140.

¹⁵ Dolęga-Chodakowski Z. O Sławiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Warszawa, 1967. S. 328, 351.

¹⁶ Там же. С. 352; Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. 1838. Т. 1. Кн. 3. С. 29, 30.

¹⁷ Донесение о первых успехах путешествия по России Зориана Долуга-Ходаковского // Русский исторический сборник. 1844. Т. 7. С. 6, 43, 265 и др.

¹⁸ Dolęga-Chodakowski Z. Op. cit. S. 374; Историческая система Ходаковского. С. 37.

¹⁹ Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. III. С. 7.

²⁰ Северная пчела. 1826. 6 марта. № 28. С. 1.

всего пять лет (1818–1823), опубликовал за эти годы лишь пять статей и провел единственную экспедицию. Имена многих дилетантов XIX века, сделавших столько же, а то и больше, давно забыты. Тут получилось иначе.

Архив покойного был передан в распоряжение Н. А. Полевого, но тот, бегло проглядев рукописи, не счел их заслуживающими издания. В августе 1830 года А. С. Пушкин и П. А. Вяземский остановились по дороге из Петербурга в Москву в Твери и навестили жившего там в ссылке декабриста Ф. Н. Глинку. По свидетельству А. А. Шишкова, они «умоляли Глинку упротить» обосновавшуюся в той же Твери вдову Ходаковского Елену Матвеевну «уполномочить их на отнятие у Полевого» бумаг ее мужа, видя в них «золотой рудник» и «сокровище».²¹ После долгих и неприятных объяснений архив перешел к М. П. Погодину. В 1838, 1839 и 1844 годах в издававшихся под его редакцией «Русских исторических сборниках» – органе Общества истории и древностей Российских при Московском университете – были напечатаны отчеты Ходаковского о раскопках в Новгородском округе, развернутое изложение созданной им «Исторической системы» и начало ответа критикам. Подробную карту городищ Европейской России, извлеченную из того же архива, Погодин опубликовал еще позже – в 1871 году, в атласе к своей «Русской истории до монгольского ига».

Итак, архив Ходаковского был спасен и введен в научный оборот при помощи самого Пушкина. Поэт приехал в Москву из ссылки в Михайловское, когда многие его знакомые хорошо помнили о «Зорияне Яковлевиче», особенно о его расспросах. В поэме о Езерском Пушкин писал о себе:

...Новый Ходаковский,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
Об отдаленной старине.²²

Гоголь внимательно изучал украинские песни, собранные Ходаковским.²³ Салтыков-Щедрин в 1861 году хлопотал через Литературный фонд о пенсии для вдовы археолога.²⁴ Чернышевский, узнав о «теории славянского городства» из лекций знаменитого филолога И. И. Срезневского в Петербургском университете, послал запрос в Саратов о городищах Нижней Волги своему учителю Г. С. Саблукову.²⁵ Увлеченный идеей о городищах как славянских святилищах и известный историк Иван Егорович Забелин (1820–1908). Вместе со своим другом, впоследствии крупным искусствоведом Д. А. Ровинским, в молодые годы он много ходил по Подмоскovie и разыскал несколько городищ, не попавших в поле зрения предшественников. Одно расположено у села Подушкина на речке Кобыленке в районе Барвихи, другое – у села Соколова на Сходне.²⁶ В своей книге «История русской жизни», вышедшей вторым изданием в 1908 году, Забелин все еще излагал построения Ходаковского без скольких-нибудь существенных поправок. Наконец, данью уважения одному из основоположников славяно-русской археологии стал выпуск в 1967 году в Польше сборника его избранных тру-

²¹ Письмо А. А. Шишкова к С. Т. Аксакову // Летописи Гос. Литературного музея. М., 1936. Кн. 1. С. 482.

²² Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 5. С. 100. Подробнее см.: Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 2000. С. 87–96.

²³ Украшєньє народтє писєньє в записях Зорїєна Доленги Ходаковського (З Галичини, Воли, Подїлля, Подніпрянщини і Полкїя). Кіт, 1971. С. 35.

²⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Поли. собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. XVIII. Кн. 1. С. 248 (письмо к П. В. Анненкову от 23 ноября 1861 года).

²⁵ Ильинский Л. К. Страничка из истории археологии Поволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1929. Т. 34. Вып. 3–4. С. 10–16.

²⁶ Забелин И. Е. Кунцово и древний Сетунский стан. М., 1873. С. 224–249; Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 70–76.

дов и писем, подготовленного при содействии русских и украинских ученых. Таким образом, судьба творческого наследия неудачника Ходаковского сложилась на редкость счастливо.

Интерес к научным изысканиям Ходаковского породил любопытство и к его биографии. Ведь чем он занимался до 1818 года, никто толком не знал. Когда он вел переговоры с Министерством просвещения об организации своей экспедиции, его попросили сообщить основные сведения о себе. Копия этой записки с пометкой «не для печати» попала в руки Н. А. Полевого, и в 1839 году он опубликовал ее.²⁷ В жизнеописании сказано, что Доленга-Ходаковский родился 23 декабря 1784 года в местечке Комов в Австрии, окончил училище ксендзов-пиаров, а затем, в 1806–1810 годах, совершенствовался в науках в Кременецком лицее.

Вскоре «Варшавская газета» поместила реплику, озаглавленную: «Кто именно был Зорян Доленга-Ходаковский?». Там утверждалось, что автобиография содержит заведомо ложные данные. В 1850-х годах польские ученые разобрались в этом вопросе.

Подлинное имя «изыскателя славянских древностей» – Адам Чарноцкий. Родился он действительно в 1784 году, но не 23 декабря, а 4 апреля, и не в Австрии, а в России – в Минском воеводстве. Сын мелкого шляхтича получил не столь блестящее образование, как сказано в жизнеописании, а окончил всего-навсего Слуцкую уездную школу. С 1807 года служил помощником управляющего у новогрудского воеводы в Гродненской губернии. По рассказам друзей его юности, Адам рано увлекся историей, рылся в архивах, описывал народные обряды, собирал песни. В марте 1809 года Чарноцкого арестовали.

Польское общество не смирилось с гибелью своего независимого государства после разделов 1773 и 1795 годов. Это учитывал Наполеон, создавший марионеточное герцогство Варшавское и обещавший помочь полякам, если они поддержат его в войнах со странами, участвовавшими в разделах. Часть молодежи поверила Наполеону. Это не могло не беспокоить русское правительство, понимавшее, что Тильзитский мир не гарантирует от новых притязаний Наполеона. К следствию по делу молодых поляков, собиравшихся выступить на стороне Наполеона, и был привлечен Чарноцкий. Девять месяцев он просидел в тюрьме в Петербурге, потом его лишили дворянства, поверстали в солдаты и выслали в Омский гарнизон. Некоторое время он тянул солдатскую лямку, а потом скрылся. В войне 1812 года был в польском легионе армии Наполеона. Вновь появился в родной для себя среде польской интеллигенции в Западной Украине уже под именем Ходаковского.²⁸

Многого мы не знаем. То, что известно о деятельности Чарноцкого в 1818–1825 годах, не свидетельствует ни о его национализме, ни об интересе к политике вообще. Он жил в мире своих идей, гипотез, фантазий. Так или иначе, положение Чарноцкого-Ходаковского оказалось неизмеримо более трудным, чем у тех поляков, кто в 1812 году служил в армии Наполеона. Александр I даровал им прощение, и польский легионер Фаддей Булгарин спокойно издавал затем в Петербурге официозные газеты и журналы. На Ходаковского амнистия не распространялась, поскольку он был не просто французским солдатом, а дезертиром из русской армии. Поразительно, что в сложнейшей ситуации, без гроша в кармане он напряженно работал и писал вовсе не о своих бедах, а о древнейшем прошлом славян, при этом на материалах России, а не Польши.

Среди чиновников и обывателей понимания он не встретил. Зато русские ученые и писатели его поддерживали. Насмешки московских барышень вряд ли задевали Ходаковского. Но его ждало и более серьезное испытание: критический разбор его построений, данный квалифицированным историком.

²⁷ Полевой П. А. Записка о жизни Зоряна Долуги-Ходаковского // Сын отечества. СПб., 1839. Т. 8. Отд. 6. С. 89, 90.

²⁸ Ровнякова Л. И. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 90–94.

В 1822 году на месте запустевшей после нашествия Батыя столицы древнерусского Рязанского княжества – городища Старая Рязань – был найден клад ювелирных изделий, зарытый незадолго до гибели города кем-то из его жителей. Находка вызвала большой интерес, и Н. П. Румянцев решил послать в Рязанскую губернию одного из членов своего кружка, чтобы уточнить все обстоятельства открытия. А раз клад был связан с городищем, предполагалось заодно проверить, верна ли интерпретация подобных памятников, выдвинутая Ходаковским.

В июле 1822 года в поездку отправился снабженный 150 рублями Константин Федорович Калайдович.²⁹ Он был младше Ходаковского (родился в 1792 году в Ельце), обладал более солидной, чем он, научной подготовкой (окончил с отличием Московский университет), но было и что-то похожее в судьбе этих двух людей. Выходцы из мелкого дворянства, оба они жили не за счет крепостных, а должны были служить или обращаться за помощью к меценатам.

Обоим суждено было перенести два тяжелых испытания. Преодолев первый кризис, именно вслед за ним оба работали особенно успешно, после же второго, – пожалуй, менее острого, – оправиться не смогли, отошли от науки и быстро погибли.

Окончив университет в 1810 году, Калайдович преподавал в Московском благородном пансионе и увлеченно занимался науками. В печати он выступал с 1807 года, едва достигнув пятнадцати лет. Начал он со стихов и прозы, но, пройдя школу М. Т. Каченовского, сосредоточился на изучении русской старины, стал членом Общества истории и древностей Российских, прочел там ряд удачных докладов. Наполеон шел на Москву. Калайдович добровольно вступил в ополчение и в чине подпоручика участвовал в сражениях при Тарутине и Малоярославце. В Москву он вернулся «с одной только рубашкою и военным мундиром». Родительский дом «у Рождества в Палашах» на Тверской сгорел. Пожар не пощадил и библиотеку и первое собрание древних рукописей молодого ученого. Но победа над захватчиками окрыляла, сил было в избытке, и Калайдович с радостью вернулся к прерванным занятиям, готовился к магистерским экзаменам. И вдруг пришла беда.

В конце 1814 года в городке Коврове Владимирской губернии Калайдович был арестован за неподобающее дворянину поведение.

Что имелось в виду, мы не знаем. Человек молодой мог просто загулять, покутить, но отношение к таким грехам было тогда снисходительным («Великая беда, что выпьет лишнее мужчина!»). Приходит в голову догадка – а не позволил ли он себе какие-либо вольнолюбивые высказывания, столь опасные в аракчеевские времена? Фантазировать не стоит. Наказание, во всяком случае, было страшным. Отец поместил Константина на четыре с половиной месяца в дом умалишенных, а потом целый год ему велели предаваться церковному покаянию за крепкими стенами Николо-Песношского монастыря около Дмитрова. Все это не прошло бесследно для физического и душевного состояния юноши. С тех пор он страдал «нервическим расслаблением» и «ипохондрическими припадками». То были симптомы психического заболевания.

И все-таки, покинув монастырь, Калайдович сумел придти в себя и за восемь лет сделать очень много для развития русской исторической науки. В 1817 году он поступил на должность контр-корректора Комиссии печатания государственных грамот и договоров – издания, задуманного и финансировавшегося Н. П. Румянцевым. Работа была не техническая, а творческая. Требовалось отобрать из архивов заслуживающие публикации документы, прочесть и прокомментировать их, найти разумные принципы воспроизведе-

²⁹ О нем: Бессонов П. А. К. Ф. Калайдович // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1862. Кн. 3. С. 1—208; Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX в. М., 1976 (рукопись канд. дисс.); Он же. Российская археология... По указателю.

ния древних текстов в печати, где-то сохраняя старую орфографию, а где-то заменяя ее новой. Калайдовичу удалось создать передовые для того времени правила публикации русских средневековых исторических источников. Румянцев оценил заслуги контр-корректора, назначил его «смотрителем», т. е. редактором всего издания, ввел в группировавшийся вокруг него кружок любителей старины. В 1817 и 1820 годах на средства государственного канцлера Калайдович предпринял объезд монастырей Центральной России, разыскивая там древние рукописи. Успех превзошел все ожидания: были выявлены сотни манускриптов – государственных и частных актов и произведений древнерусской литературы. За 1818–1822 годы Калайдович выпустил ряд значительных научных трудов: сборник записей русских народных песен, составленный в XVIII веке Киршей Даниловым, книги о писателе XII столетия Кирилле Туровском и о судебнике Ивана III и около шестидесяти статей.

Вот этому-то человеку и была поручена Румянцевым поездка в Старую Рязань с осмотром встреченных по пути городищ. Небольшой опыт археологических исследований у Калайдовича был.

В ста километрах к северо-западу от Москвы на реке Шоше расположено село Микулино Городище (Лотошинский район). В центре его и сейчас видны валы, высотой до пяти метров, достигающие в окружности шестисот метров. Это остатки средневекового русского города, известного по письменным источникам с 1363 года. К XIV веку, вероятно, относятся и эти мощные укрепления. В XV веке существовало самостоятельное Микулинское удельное княжество, чеканившее даже собственную монету. В 1398 году в городе возвели первый каменный собор. Когда он обветшал, его заменили сохранившимся поныне величественным пятиглавым собором 1559 года. В дальнейшем город захирел, превратился в село. На пахоте вокруг поселка крестьяне часто находили разные старинные вещи.

Микулино Городище лежало на землях, составлявших собственность самого Румянцева. В августе 1821 года в сопровождении Калайдовича он поехал осмотреть это место.³⁰ В Михайловском соборе путешественники увидели «две княжеские гробницы по правой и шесть на левой стороне». Калайдович писал члену румянцевского кружка А. Ф. Малиновскому: «В надежде открыть что-либо достопамятное я по приказанию канцлера снял одну кирпичную гробницу с правой руки при входе в собор, в вышину аршина полтора, и, пробив разрушенный временем свод, спустился в могилу на глубину $2\frac{1}{2}$ аршина. В головах найдено 9 черепов, в ногах – прочие кости, кучею вместе сложенные. Видя неудачу, я не решился простирать далее испытаний и жалел, что попал на такую гробницу, которая при каких-либо перестройках собора была уже прежде нас разрыта». Можно не сомневаться, что усыпальница, раскрытая в 1821 году, сооружена в XVI веке и в нее перенесли останки князей, похороненных первоначально в старом соборе. «Другими открытиями канцлер более радовался..., – продолжает Калайдович. – В Микулине прежде было до 12 церквей. Я сам видел 4 погоста с остатками надгробных камней. На сих то могилах, в некоторых местах распахиваемых, находят поселяне медные кресты, образа, бляхи... с ушками и монеты, серебряные и медные. Первый Осип Архипов представил канцлеру 16 медных крестов, выпавших на погосте... Благосклонный прием канцлера и награды имели сильное действие. Вслед за сим принесли еще кресты (которых всех приобретено 37), обломки от крестов (числом 8),

³⁰ Необходимо остановиться на вопросе о датах двух рассмотренных в этой главе поездок К. Ф. Калайдовича. В его книге «Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии» (М., 1823) говорится о поездке в Рязань в июле 1822 г. Письмо о поездке в Микулино городище датировано при публикации 7 сентября 1822 г. и отражает впечатления августа (Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1882. Кн. 1. С. 233). Однако в книге о рязанских древностях сказано о посещении Микулина в «предшествовавшем году» (С. 62), а городища, попавшиеся по дороге туда, для автора, судя по письму, явная новинка, тогда как по пути в Рязань он побывал на двенадцати городищах. Скорее всего, письмо в публикации датировано ошибочно и относится к 1821 г. Есть все же и другая возможность: П. А. Бессонов цитирует письма Калайдовича из Рязани от 3 и 24 ноября 1822 г. (С. 69). Значит, Калайдович мог поехать в Рязань не в июле, а в октябре 1822 г., а в книге зачем-то указал неверную дату своей поездки.

образа (счетом 4), монеты (...3 серебряные и 2 медные), две гривенки (одна худого серебра, а другая медная) и одну печать».³¹

Это обследование Микулина Городища и можно считать началом археологических раскопок в Подмосковье.

По пути в Рязань Калайдович осмотрел двенадцать городищ (в частности по дороге из Коломны в Зарайск) и собрал сведения еще о ряде подобных урочищ в Рязанской и Московской губерниях. (Два из них – в Кашире и у села Синьково Клинского уезда (теперь в Дмитровском районе) – подверглись раскопкам уже в XX столетии.) Внимательно исследована была и Старая Рязань, в нескольких местах заложены небольшие раскопы-шурфы. Свои наблюдения Калайдович тщательно фиксировал, но сделать следующий шаг – перейти от внешнего осмотра памятников к их детальному изучению путем раскопок – не рискнул. Оказалось, что городища далеко не так однотипны, как уверял Ходаковский. Входы у них не всегда направлены на восток. Расстояния между аналогичными объектами – разные.

Сопоставив собранные материалы, Калайдович писал: «Не оспариваю... что места славянских жертвоприношений и кумиры были на возвышении, могли окружаться валами, что в числе городищ найдется несколько таковых мольбищ, но решительно утверждаю, что большую часть оных составляют ограждения городов, селений и крепостей».³²

Историк подкрепил свой вывод филологическим анализом слова «городище» и контекста, в каком оно фигурирует в русских письменных источниках эпохи средневековья. Наконец, было отмечено, что городища есть и в тех районах, где славяне в древности не жили, – в Астраханской и Пермской губерниях.

Научные результаты своей поездки Калайдович изложил, как принято было в те годы, в виде писем к архивисту А. Ф. Малиновскому (между прочим хорошо знавшему Пушкина). Интерес этих сообщений для специалистов был таков, что Н. П. Румянцев выделил из своих средств необходимую сумму на издание этого сочинения. В 1823 году в университетской типографии в Москве была напечатана небольшая книга: «Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей». Это одна из первых русских археологических публикаций. Тираж ее 300 экземпляров.

Поездка Калайдовича в Рязань и отчет о ней вызвали страшное раздражение Ходаковского. Он понимал, что его оппонент – серьезный ученый, не раз использовал его труды, был с ним знаком (Дьяково городище показал ему именно Калайдович), но теперь готов был забыть об этом. Он говорил о «легкомысленном триумфе г. Калайдовича», который «думает, что можно одним мгновением уничтожить шестилетние наблюдения мои». Велика была обида и на Румянцева, организовавшего поездку в Рязань, а ранее отказавшего в помощи тому, кто первым обратил внимание на городища.³³ Ходаковский засел за подробный ответ Калайдовичу. Этот незавершенный текст М. П. Погодин опубликовал в 1838 году.

Соображения Калайдовича убедили многих читателей. Городища опять стали оценивать как остатки укрепленных поселков, а не как древние святилища. В альманахе «Полярная звезда», издававшемся в Петербурге декабристами К. Ф. Рылевым и А. А. Бестужевым, в обзоре «Взгляд на русскую словесность в начале 1823 года» Бестужев писал: «К. Калайдович, почтенный археолог наш, посвятивший себя старине русской, напечатал... Археологические изыскания в Рязанской губернии», где виден зоркий взгляд знатока и опытность

³¹ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1882. Кн. 1. С. 234 (письмо К. Ф. Калайдовича А. Ф. Малиновскому от 7 сентября 1822 г.). См. также: Филимонов Г. Д. Граф Н. П. Румянцев как археолог-собираатель // Сборник материалов для истории Румянцева музея. М., 1882. Вып. 1. С. 194–196.

³² Калайдович К. Ф. Письма к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. С. 61, 62.

³³ Dolqga-Chodakowski. Op. cit. S. 61, 62.

ученого».³⁴ Бестужев лично знал историка. Вместе с ним он осматривал достопримечательности старой столицы при посещении Москвы в 1823 году.³⁵

Последний отрезок жизни Калайдовича был столь же печальным, как и у Ходаковского. В 1826 году умер Румянцев. Кружок его распался. Смотритель издания «Государственных грамот и договоров» остался без средств. Скрепя сердце взялся он за мелкую чиновничью работу, а надежды свои связал с выпуском основанного им журнала. 3 ноября 1827 года он обратился к Пушкину: «Милостивый государь Александр Сергеевич! Извините безвестного любителя отечественной истории, который решился написать несколько строк к поэту, которого талант давно уже приводит в восторг современников, обещая в грядущем неувыдаемую славу певцу, всеми любимому. Склонитесь на моление археолога-журналиста и украсьте первую книжку предполагаемого издания Вашим образцовым произведением – а что у Пушкина не образцовое? Содержание моего журнала, если знать желаете: историческое и литературное. Название: "Русский зритель. Журнал истории, археологии, словесности, критики и... мод».³⁶

Странно выглядит сочетание истории и мод, но в начале XIX века специальный научный журнал не нашел бы подписчиков и не принес бы дохода редактору. Любопытно, что автор называет себя археологом, а археологии посвящает один из главных разделов журнала. Это слово только входило тогда в русский язык. Ходаковского обычно называли «изыскателем древностей». Известно, что Калайдовичу принадлежал утерянный ныне труд «Опыт русской археологии».

В первом номере «Русского зрителя» Калайдович опубликовал письмо, полученное им некогда от Н. М. Карамзина с просьбой осмотреть место лагеря Лжедмитрия II под Москвой, и свой отчет о поездке в Тушино в начале сентября 1824 года. Здесь описаны следы укреплений и перечислены находки старинных вещей, сделанные крестьянами в этом районе.³⁷ Публикация показывает, как тщательно готовил «Историю государства Российского» Карамзин, и каким авторитетом пользовался Калайдович у своих коллег.

Увы, ни отдел «словесность», ни модные картинки не спасли журнал. Издатель прогорел. В этот трудный период душевная болезнь вновь завладела им. В 1828 году он получил отставку и жалкую пенсию, а в 1832 – в возрасте сорока лет скончался. Могила его на Ваганьковском кладбище затеряна, как и могила Ходаковского в Тверской губернии. Имя Калайдовича не забыто. Историки, особенно специалисты по источниковедению и археографии, всегда произносят его с большим уважением.

Читатели, интересующиеся прошлым Москвы, могут спросить: а где жили Ходаковский и Калайдович? Относительно первого ничего сказать не могу. Адреса второго указаны его биографом П. А. Бессоновым. После войны 1812 года молодой историк жил у своего учителя М. Т. Каченовского «у Пимена в Ратниках», в 1813–1814 годах – на Пятницкой улице в доме Матвеева, в 1814– в казенной квартире Университетского благородного пансиона на Тверской, после заточения в Николо-Песношском монастыре – сперва в отстроенном доме отца, «у Рождества в Палашах», потом на Мясницкой, против церкви Евпла, в доме купца Свешникова, затем на Глебовском подворье, на Плющихе в приходе Смоленской церкви и, наконец, вплоть до смерти – в Столовом переулке (на месте нынешнего дома № 5).³⁸

³⁴ Полярная звезда, издаваемая А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 267.

³⁵ Измайлов Н. В. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 года // Памяти декабристов. Л., 1926. 1. С. 57, 58.

³⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1959. Справочный том. С. 68.

³⁷ Письмо историографа Карамзина о Тушинском стане второго Лжедмитрия и ответ на оное // Русский зритель. 1828. № 1. С. 29–34. Сведения Калайдовича о Тушине Н. М. Карамзин использовал в XII томе своей «Истории государства Российского», вышедшем посмертно в 1829 году (Примечания. С. 83).

³⁸ Бессонов П. А. К. Ф. Калайдович. С. 35. Сорокин В. В. В земляном городе у старой Новгородской дороги // Наука и жизнь. 1986. № 11. С. 84.

Приведенными сведениями исчерпывается то, что мы знаем о начале археологического изучения Москвы и Подмосковья. Начало, как видим, весьма скромное. У Ходаковского – два года кратких экскурсий в окрестностях города и выездов в ближайшие уезды. У Калайдовича – недельная поездка с осмотром нескольких памятников по дороге из Москвы в Рязань и однодневные раскопки в Микулине. Да и вообще оба они занимались историей совсем недолго, менее десяти лет каждый.

Не исключаю, что все рассказанное вызовет у кого-нибудь недоуменные вопросы: а стоит ли изображать Ходаковского основоположником славяно-русской археологии? Ведь научная подготовка его была слабой, а построения оказались ошибочными. Городища вовсе не языческие святилища, и далеко не все они раннеславянские. Дьяковское и Кунцевское возникли в начале железного века, когда славяне в Подмосковье еще не жили. Валы и рвы в Звенигороде, Дмитрове, Радонеже, Микулине относятся, напротив, не к долетописной эпохе, а к развитому средневековью, времени русских феодальных княжеств. Калайдович, опровергая Ходаковского, тоже не сказал чего-либо существенного. В народе на городища искони смотрели как на остатки укрепленных поселков. Значит, после долгих споров ученые пришли к самоочевидному выводу, опрометчиво отвергнутому в начале. Круг замкнулся.

Нет, такое рассуждение было бы неправильным. Нужно различать эмпирические знания и научное исследование. В каком-либо глухом углу вы встретите порой неграмотного старика, помнящего десятки названий местных растений. Заезжий молодой биолог может не знать все эти виды, ошибиться при определении одного из них, но из этого не следует, что старик более эрудированный ботаник, чем еще неопытный специалист. Первый унаследовал от отцов и дедов только некоторый запас сведений о травах, растущих в окрестностях родной деревни, второму доступны не единичные факты, а целая система их, умение рассматривать любой из них в сложном контексте.

То же и с городищами. Да, в народе их помнили как приметные урочища, считали древними укреплениями, передавали о них какие-то легенды. Но лишь Ходаковский увидел в городищах своеобразный исторический источник, позволяющий восстановить начальные этапы отечественного прошлого. Такая формулировка принадлежит уже не обыденному сознанию, а науке. Ее вполне разделял и споривший с Ходаковским Калайдович, разделяют и современные историки. Ходаковский создал картотеку и карту городищ Европейской России, привлек к ним внимание ученых, снял планы некоторых памятников. Важен его призыв к комплексному исследованию прошлого, с использованием помимо летописей данных археологии, этнографии, топонимики, фольклористики. Верны были и его отдельные наблюдения. Среди городищ-поселений изредка встречаются и святилища. Размещены городища не на равных расстояниях друг от друга (этого и не могло быть, поскольку возникали они в разное время, и строителям очередной крепости не к чему было учитывать положение более старых, заброшенных), но все же не совсем бессистемно. Иногда они образуют гнезда, группы, отделенные от соседних скоплений пустыми участками. Это хорошо проследил на Верхней Волге наш выдающийся археолог П. Н. Третьяков. Он же дал принятое в науке объяснение этого явления: в каждом пункте обитала некогда отдельная родовая община. Роды объединялись в племена. Кусты городищ соответствуют древним племенным территориям.³⁹

Значителен вклад Ходаковского в разработку истории самой Москвы. Он первым указал на то, что на ее площади находились городища, стертые позднейшей застройкой. Об одном упомянуто в губной грамоте XV века, цитированной в примечаниях к пятому тому «Истории государства Российского» И. М. Карамзина. Оно было на Яузе, недалеко от устья.⁴⁰

³⁹ Третьяков П. Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 106. С. 154–157. Рис. 12.

⁴⁰ Карамзин И. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5. Примечания. С. 264.

Другое фигурирует в грамоте митрополита Иоакима 1682 года, разысканной Ходаковским в церкви Николы на Драчах. Это урочище «на старом городище» было в районе Самотеки.⁴¹

В итоге мы вправе утверждать, что Ходаковскому русская археология обязана целым направлением исследований, успешно развивающимся до сих пор. Многие положения статей 1818–1820 годов не выдержали испытания временем, но намеченное там направление осталось. Это и есть самое ценное в науке. «Ученый – не тот, кто дает нужные ответы, а тот, кто ставит нужные вопросы» – удачно сказал однажды французский этнолог Клод Леви-Стросс. Ответы специалистов представляют собой абсолютную истину в последней инстанции лишь в случаях, касающихся сугубых частных фактов. Археологи могут раз и навсегда решить, что какой-то тип орудий раньше другого, а такие-то горшки характерны только для одного четко очерченного региона. Но большие проблемы – происхождение человека или происхождение славян – окончательно решены быть не могут. Над ними будут работать еще поколения наших преемников. В этой работе им пригодятся сотни мелких частных наблюдений, сделанных предшественниками, тысячи фактов, добытых ими, но важнее того и другого мысли – идеи, направления поисков. Ходаковский в этой сфере себя и проявил.

Могут возникнуть сомнения иного рода: а почему, собственно, мы говорим о Ходаковском как о представителе русской науки? Ведь по национальности он был поляк и первую статью напечатал на польском языке. В развитие русской культуры вносили свой вклад и люди, родившиеся за рубежом. Итальянцы Б. Растрелли, Д. Кваренги и О. Бове стали русскими архитекторами, немцы П. С. Паллас и К. М. Бэр – русскими учеными, французы Ш. Дидло и М. Петипа – классиками русской хореографии. Проблему раннего славянства Ходаковский исследовал в Центральной России, собирая материалы о древностях в Новгородской, Тверской, Московской губерниях, а не в Царстве Польском. Как мы помним, католическая Варшава оттолкнула его, возмущившись интересом историка к язычеству, а в Москве и Петербурге определенную поддержку он получил. Из пяти статей, вышедших при жизни автора, четыре написаны по-русски. На том же языке составлены и записи, изданные посмертно. Пополнялась картотека городищ с помощью многих любителей старины. По Псковской губернии сведения сообщал митрополит Евгений Болховитинов, по Харьковской – В. Н. Каразин. К сожалению, мы не знаем, кто указал Ходаковскому на городища Подмосковья (кроме случая с Дьяковым). Так или иначе, труд его в значительной мере коллективный, созданный в русле русской науки.

Но то, что археологические памятники ранних славян первым принялся искать именно поляк, было вполне закономерно. В конце XVIII – начале XIX века целая плеяда польской интеллигенции вдохновлялась идеей: «Наша родина лежит в могиле. Мы... должны трудиться над тем, чтобы сбросить наваленный над нею холм и извлечь лежащий под ним пепел Феникса – нашего отечества» (слова историка Иоакима Лелевеля, сказанные им еще студентом в 1800 году).⁴² Передовые круги русского общества думали не столько о прошлом, сколько о будущем. Но они внимательно следили за открытиями и теориями ученых братского народа. Свидетельство тому – переводы всех основных публикаций Я. Потоцкого, И. Раковецкого, В. Суровецкого, И. Лелевеля. Благодарную аудиторию нашел в России и Ходаковский.

Не забудем еще одно обстоятельство. Движение Ренессанса затронуло Польшу в большей мере, чем Московскую Русь. В частности, коллекции древностей появились там уже в XVI веке, а книги с рисунками археологических находок – в XVII.⁴³ Поэтому за поисками Ходаковского стояла трехсотлетняя традиция, какой в России тогда еще не было.

⁴¹ Донесение о первых успехах путешествия по России... С. 42.

⁴² Кеневич С. Лелевель. М., 1970. С. 10, 11.

⁴³ Abramowicz A. Urny i ceramnie // Acta archaeologica Lodzienia. Lodz, 1979. № 27.

И все же мы убедились, что «теория славянского городства» Ходаковского не была воспринята в Москве и Петербурге как что-то чужеродное. К ней близко подходил уже М. Н. Макаров. Поэтому она и смогла получить у нас такой отклик и такое развитие.

Глава 2

Первые исследователи подмосковных курганов

Исследовательский интерес к подмосковным курганам возник позже, чем к городищам. Разумеется, в народе знали и о тех, и о других. В Центральной России почти у каждого старого села есть свое древнее кладбище – курганная группа. Особенно высокие насыпи, как и городища, служили для окрестного населения ориентирами. Так, в писцовой книге XVII века упомянута «Великая могила» у села Чернева на Сходне.⁴⁴

В научной литературе на подобные памятники первым обратил внимание петербургский академик ботаник Иоганн Петер Фальк (1727–1774), швед по происхождению, приглашенный на русскую службу по рекомендации его учителя – знаменитого Карла Линнея. Отправившись в 1768 году из Петербурга в Западную Сибирь, Фальк отметил в своем дневнике: «От прежних жителей сей страны и теперь еще видны по берегу реки Москвы рассеянные полукруглые могилы (курганы), вышиною до трех сажен. У Боровского переезда на правом берегу реки на холме, вышиною в шесть сажен, стоит столп, грубо выработанный из песчаного камня. Близ оного видны следы рва и вала укрепленного места».⁴⁵

Об этой достопримечательности в окрестностях Москвы уже говорилось мельком в предшествующей главе. В 1820 году туда советовал съездить Ходаковскому М. Н. Макаров. В 1822 году там побывал К.Ф.Калайдович, а в 1824– другой знакомый Пушкина, первый ректор Киевского университета биолог и филолог Михаил Александрович Максимович (1804–1873).⁴⁶ Известность этого пункта связана с тем, что возвышение около села Мячково находилось у переезда через Москву-реку по дороге в Рязань, отчего запомнилось многим. Отсюда за тридцать верст была видна панорама Москвы.

В 1805 году этот памятник вдохновил видного поэта (автора песни «Среди долины ровныя...»), профессора Московского университета Алексея Федоровича Мерзлякова (1778–1830). В «Вестнике Европы» он напечатал тогда стихотворение «Мячковский курган». В примечании автор пояснял, что это братская могила россиян, павших при защите столицы от набегов татар, поныне почитаемая народом. Поэт восклицал:

Где ж те, которых кровь дала нам
жизнь и свет?
Где ж те, которых кровь нам славу искупила?
Мать нежная своих героев не забыла.
Се высится гора на месте их побед.
... Сюда приди, о Росс,
Свой сан и долг узнать...⁴⁷

Пожалуй, это первое в нашей поэзии стихотворение об археологическом памятнике. Появление его в 1805 году не случайно. В те дни русские войска сражались с Наполеоном

⁴⁴ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1905. Т. 1. С. 15.

⁴⁵ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук по предложению ее президента. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. С. 15.

⁴⁶ Максимович М.А. Отрывки из путешественных записок о Московской губернии в отношении преимущественно естественных ее произведений // Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических, издаваемый Иваном Двигубским. М., 1825. Ч. 1. № 3. С. 156, 157.

⁴⁷ Мерзляков А. Ф. Мячковский курган // Вестник Европы. 1805. Ч. 22. С. 56–59. То же в его кн.: Стихотворения. М., 1958. С. 236–238.

под Шенграбенем. Впереди был Аустерлиц. В обществе наметился патриотический подъем, подготовивший почву для триумфа в Отечественной войне 1812 года. С жадностью читали книги по истории России, вспоминали пережитые ею тяжкие испытания и светлые периоды. Сведения летописей хотелось дополнить впечатлениями о вещественных остатках старины. Их стали разыскивать и описывать. Вот тогда-то подмосковные курганы начали воспринимать как национальные реликвии.

Через десять лет после Мерзлякова, когда Наполеон уже пал, другой поэт, еще один знакомый Пушкина Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (1799–1849)⁴⁸ «всходил на этот холм, глядел на белеющуюся полосу, которую казала ему Москва, и посвятил следующие четыре стиха почившим тут праотцам:

В виду священных стен здесь храбрые легки.
Алтарь Отечества! Прославься над холмами,
Как славится оно сынами
Пред всеми царствами земли».

Но у Иванчина-Писарева зародились и сомнения: а на могиле ли он? «Не было ли это местом языческих торжеств или поклонения одному из важнейших кумиров, которые всегда стояли на холмах, не было ли тут капища, замененного христианским храмом».⁴⁹ Иными словами, не городище ли это (в том понимании, что предложил Ходаковский)?

Действительно, ни одна из насыпей в Подмосковье еще не была раскопана, и что они содержат, никто толком не знал. «Мячковский курган», например, вовсе не братская могила, а типичное городище с валами и рвами. В литературе начала XIX века мы все время встречаемся с такой путаницей. «Курганы, рассыпанные во множестве по ровным степям здешним, делались для передовых страж и сигналов», – писал о Молдавии издатель «Отечественных записок», знакомый Пушкина П. П. Свиньин.⁵⁰ Значит, на его взгляд, это не земляные надгробия, а сторожевые вышки. О том же районе у Пушкина сказано: «Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием Троянова вала».⁵¹ И тут, следовательно, речь идет не о древних погребениях, а об укреплениях.

Путаница была порождена не только тем, что археологические раскопки в России еще не развернулись, но и неточным применением термина. «Курган» – слово тюркского, а не славянского происхождения, в современном значении употребляющееся в русской письменности лишь с XVI века.⁵² Раньше вместо него пользовались словом «могила». У тюрков же «курган» означает не насыпь над захоронением, а именно крепость (отсюда названия нескольких среднеазиатских городов: Талды-Курган и т. п.). В начале XIX века этот смысл еще не забылся.

Русские крестьяне до недавнего времени слова «курган» не знали. К. Ф. Калайдович отмечал в 1821 году: «Верстах в двух от Микулина городища на правом нагорном берегу реки Шоши я осмотрел курганы, которых насчитал до двадцати, там называемые сопками. Они все принадлежат к могильным памятникам, насыпанным во времена польских и литовских набегов»⁵³ (на самом деле они гораздо древнее). В Тверской губернии, по свидетельству

⁴⁸ О нем: Зорин А. Л. Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917. М. 1992. Т. 3. С. 391–392.

⁴⁹ Прогулка по древнему Коломенскому уезду. Сочинение Николая Иванчина-Писарева. М., 1844. С. 10, 13.

⁵⁰ Свиньин П. П. Воспоминания в степях Бессарабских // Отечественные записки. СПб., 1821. № 9. С. 6, 7.

⁵¹ Пушкин А. С. Песнь о полку Игореве // Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949. Т. 12. С. 151.

⁵² Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 211; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Т. 8. С. 136.

⁵³ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1882. Кн. 1. С. 236.

декабриста Федора Николаевича Глинки (1786–1880), в ходу были слова: «копны», «сопки», «западни», «бата~реи».⁵⁴ Но батарея опять же ассоциировалась с укреплениями – путаница усугублялась. Раскопки самого Глинки в Бежецком уезде не дали четкой картины, и в 1837 году он признавал: «Первоначальная цель и назначение курганов... остаются тайною не разгаданною. Были ли они предметом защиты от неприятелей или предметом религии, теперь не известной».⁵⁵

В «Очерках Бородинского сражения» участник его Ф. Н. Глинка писал в 1839 году: «Поле Бородинское... силится рассказать вам какую-то легенду заветную, древнее предание... Курганы Горечий, Шевардинский и другие, встречаемые в каком-то симметричном порядке в этих окрестностях, были холмами священными, на которых совершались тризны. Народы, утомленные видом зачехшей гражданственности (может быть, дряхлевшей Индии), ведомые тайным влечением судьбы, покорно следовали за путеводного звездою и текли с дальнего Востока – колыбели рода человеческого – с семенами жизни на девственную почву нашего Севера, тогда еще пустынного, задернутого завесою неизвестности. На путях их великого шествия остались городища и курганы, на которых зажигались огни и сожигались жертвы. Но когда это было? Человек моложе истории. История моложе событий этого разряда».⁵⁶ Перед нами явный отголосок теорий Ходаковского. Бывавший в Бородине Лев Толстой верил Глинке и в черновиках «Войны и мира» говорил: «Большую часть сражения... Пьер провел... на кургане (тоже старинном, как и курган Горок, насыпном)».⁵⁷ Между тем, и Шевардинский редут, и Горки вовсе не искусственные сооружения, а естественные возвышенности.

Надо было провести раскопки значительного числа насыпей, чтобы понять, какие из них служили надгробиями, а какие – фортификационными сооружениями, где братские могилы, появившиеся после кровопролитных сражений, а где – холмы над обычными индивидуальными погребениями, а то и части природного рельефа.

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин несколько раз ссылаясь на подмосковные древности. Рассказав о разгроме войска Девлет-Гирея у Молодей 1 августа 1572 года, историограф заключал: русские «надолго уняли крымцев, наполнив их трупами недра земли между Лопаснею и Рожаем, где донныне стоят высокие курганы – памятник знаменитой победы и славы князя Михаила Воротынского». В следующем томе «Истории» повторено: «высокие курганы – славные памятники незабываемой победы 1572 года».⁵⁸ После раскопок абсолютно ясно, что эти насыпи скрывают древнерусские захоронения XIII, а не XVI века.⁵⁹

С тех пор, как на Руси вышел из употребления обычай возводить земляные холмы над могилами, миновало около пятисот лет, и крестьяне, как правило, видели в таких холмах дело рук не собственных предков, а каких-то чужеземцев. В Молодях толковали о татарах, в Микулине – о Литве, а кое-где – даже о французах 1812 года.

В «Грозе» А. И. Островского (1859) обыватели города Калинова (не то Кострома, не то Кинешма) толкуют: «1-й. Что же это такое Литва? 2-й. Так она Литва и есть. 1-й. А говорят...

⁵⁴ О курганах. Предварительное разыскание академика П. И. Кеппена // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1908. № 42. С. 17.

⁵⁵ Глинка Ф. Н. Мои замечания о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде // Русский исторический сборник. 1837. Т. 1. Кн. 1. С. 10.

⁵⁶ Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839. С. 14.

⁵⁷ Толстой Л. Н. Война и мир // Поли. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. С. 207.

⁵⁸ Карамзин Н.И. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 204; 1824. Т. 10. С. 148.

⁵⁹ Розенфельдт Р. Л. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожай в Московской обл. // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. 1973. Вып. 135. С. 62–65.

она на нас с неба упала... Женщина... Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны». ⁶⁰

Люди книжные думали иначе. Еще цитата из Карамзина: в последнем томе своей «Истории» он повествовал о сражении 1608 года под Зарайском: «Хованский... был наголову разбит паном Лисовским, который оставил там памятник своей победы, видимый и доньне, – высокий курган, насыпанный над могилою убитых в сем деле россиян». ⁶¹ В данном случае Карамзин не ошибся, но так же трактовали, как мы помним, и Боровское городище.

Даже в 1844 году Н. Д. Иванчин-Писарев повторил старое мнение: у погоста Боршевского «множество курганов: это следы несчастной битвы князя Масальского... От двух сел Троицких... до Покровского все поля уставлены множеством курганов... Местоположения самые побоищные: большие, но отлогие возвышения, а между ними узкие и глубокие овраги. Никто не описал имена героев, сложивших главы свои под этими холмами. Но Россия должна хранить от застуха и плуга эти священные насыпи, ей должно слышаться:

Здесь пали мы, к тебе любовью пламенея,
Здесь каждый холм есть гроб защитников твоих». ⁶²

Хотя древние сибирские кладбища пробовали раскапывать уже академические экспедиции в начале XVIII века, а в 1763 году генерал А. П. Мельгунов сделал интересные находки, разрыв скифскую Литую могилу в Приднепровье, до тридцатых годов XIX века земляные холмы, разбросанные по лесам и степям Европейской и Азиатской России, мало кто решался тревожить.

Мы не знаем, кем и когда был нарушен этот негласный запрет в Подмосковье. Тот, кто на это пошел, не обязательно вел записи о своих изысканиях. Наиболее ранняя попытка, нашедшая отражение в печати, связана с совершенно неожиданным, но дорогим для нас именем. Проводя лето 1827 года в селе Васильевском под Звенигородом, юный Александр Иванович Герцен (1812–1870) писал оттуда своей любимой «корчевской кузине» Татьяне Петровне Кучиной (в будущем Пассек): «Версты полторы за оврагом есть старые курганы, неизвестно кем и на чьих могилах насыпанные. На них растут высокие сосны и покрывают своей погребальной непроницаемой тенью. В народе ходит слух, что там находят ржавые вещи, которые принадлежали каком-то древнему воинственному народу. Я рылся в этих курганах и ничего не нашел. Народ уверяет меня, что страшно ходить мимо их, и без крайности никто не ходит... Что-то нечистое да есть тут». ⁶³ Дальше пятнадцатилетний Герцен рассказывает, как он захотел преодолеть чувство страха и однажды ночью отправился на курганы.

Почему эти поиски оказались бесплодными, догадаться нетрудно. Неопытные раскопщики чаще всего вырывают в середине холма яму небольшого диаметра. Эту яму или не доводят до уровня захоронения, или она проходит где-то в стороне, не задев его. Копать курганы надо целиком, на снос.

В 1830 году на окраине Керчи в кургане Куль-оба были обнаружены золотые вещи, изготовленные в IV веке до нашей эры античными ювелирами для одного из скифских царей. С этого момента на Юге России началась настоящая золотая лихорадка. Украинские помещики наспех, без всяких записей и зарисовок принялись рыть землю около своих имений.

⁶⁰ Островский А. Н. Гроза. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 267. См. Топоров В. Н. К проблеме северорусской литвы (миф и реальность) // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004. С. 77–89.

⁶¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. 1829. Т. 12. С. 78.

⁶² Иванчин-Писарев Н. Д. Прогулка... С. 18, 48.

⁶³ Пассек Т. П. Из дальних лет. М.; Л., 1983. Т. 1. С. 257. Ср.: Герцен А. И. Разговоры с детьми. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 209.

Возникла опасность, что так могут быть утрачены ценные для истории материалы. Нужно было спасти курганы от грабительских раскопок, создать программу их научного исследования.

В этом направлении действовало двое ученых – петербургский академик Петр Иванович Кёппен (1793–1864) и молодой московский писатель, этнограф и статистик Вадим Васильевич Пассек (1808–1842).

Кёппен в 1837 году издал «Список известнейшим курганам в России», составлявшийся им с 1818 года. Учтены тут и подмосковные памятники, но помимо подлинных курганов в список попало и немало городищ. Раскопками сам Кёппен не занимался. Наиболее важен в его статье призыв к читателям: «сведения [о курганах. – А. Ф.] должны почитаться общественным имуществом, и оставлять их ненапечатанными почти столь же непростительно, как и раскапывать могилы по бессовестной корысти или по одному легкомысленному любопытству. Как дни минувшие, так и самые могилы принадлежат истории, и только достойные ее служители вправе обследовать прах, некогда одушевленный».⁶⁴

В том же 1837 году друг Герцена В. В. Пассек предложил Обществу истории и древностей Российских план изучения курганов нашей страны, дабы «открыть новый путь для исторических исследований о тех веках, для которых не существуют и летописи».⁶⁵ Пассек имел определенное представление об археологических памятниках Харьковской губернии. В степной Украине насыпи над захоронениями возводили на протяжении очень долгого времени – с III тысячелетия до нашей эры по середину II тысячелетия нашей эры. Поэтому рядом со скелетами здесь лежат вещи самого разного возраста – каменные и медные орудия первобытной эпохи, изделия из железа и драгоценных металлов, принадлежавшие скифам, уздечные наборы и костяные накладки на луки, использовавшиеся печенегами и половцами. Пассек стремился расчленить эти находки на несколько хронологических групп. С большим или меньшим успехом эту работу продолжали и позже. Вставал вопрос: аналогичны ли подмосковные курганы южным, степным, или по составу находок и характеру захоронений они образуют особую группу древних погребений? Даже в 1865 году археолог-дилетант Дмитрий Петрович Сонцов (1803–1875) писал, что около Москвы могут встретиться курганы каменного века и надмогильные изваяния, подобные приднепровским (ни тех, ни других тут никогда не было).⁶⁶

Старались что-то узнать о курганах Восточной Европы и зарубежные ученые. Запросы относительно таких памятников поступили в Общество истории и древностей Российских из Дрездена в 1836 году и из Нью-Йорка – в 1841.⁶⁷

Внести ясность во все вопросы могли только научные раскопки. Начал их в 1838 году Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). Сегодня это имя всплывает в печати лишь в связи с двумя письмами Пушкина. 11 мая 1836 года, в свой последний приезд в Москву, он сообщал жене: «недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего „Путешествия в Сицилию“. Не побранить ли мне его en bon parent? [по родственному. – А. Ф.]».⁶⁸ Визит надо было отдать, и 14 мая Пушкин писал Наталье Николаевне: «На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю – а у него жена выкинула. Это

⁶⁴ Кёппен П. И. Список известнейшим курганам в России. СПб., 1837. С. 33, 34. (Первоначально в «Северной пчеле» за 2, 4, 5 января 1837 г. С. 3, 4, 7, 8, 10–12).

⁶⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. С. 71, 72.

⁶⁶ Сонцов Д. П. Что можно ожидать от раскопок наших курганов // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. 1865. Т. 2. С. 14–17.

⁶⁷ Забелин И. Е. Список и указатель трудов и материалов, напечатанных в повременных изданиях Императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете за 1815–1888 годы. М., 1889. С. XXIV, XXVI.

⁶⁸ Пушкин А. С. Поли. собр. соч. 1949. Т. 16. С. 114.

нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно».⁶⁹ (Дом, где побывал поэт, сохранился, хотя и в сильно перестроенном виде. Он стоит на Мясницкой. Ныне это дом № 7).⁷⁰

Сблизиться с Чертковым Пушкин не захотел. Не проявили к нему внимания и литературоведы, установившие только, что жена историка, урожденная Чернышева, была четвероюродной сестрой поэта.⁷¹ Между тем, человек это был, безусловно, незаурядный.⁷²

Он родился в Воронеже в родовитой и состоятельной дворянской семье. Первоначальное образование получил дома. При этом он не только в совершенстве овладел французским и немецким языками, но, что было редкостью по тем временам, занимался и русским, равно как и отечественной историей. Учителем Александра по этим предметам был будущий профессор Харьковского университета Г. П. Успенский, выпустивший позднее, в 1818 году, «Опыт повествования о древностях русских» – первую популярную книгу о быте средневековой Руси. Благодаря этому у Черткова уже в юности зародился интерес к родной старине. В 1808 году он приехал в Петербург и был зачислен в Министерство внутренних дел, но, захваченный патриотическим подъемом, вскоре перевелся в армию. Участвовал в Отечественной войне 1812 года и в последовавшем за ней походе русских войск во Францию, отличился в сражениях при Дрездене, Кульме, Лейпциге, Фершампенуазе.

Выйдя в отставку в 1822 году, Чертков два года странствовал по Западной Европе, подолгу жил в Австрии, Швейцарии, Италии, изучил итальянский и древние языки, всерьез увлекся археологией и античной культурой. С 1824 года он обосновался в Москве (правда, с перерывом в 1827 году, когда вновь поступил на военную службу, чтобы участвовать в турецкой кампании). Богатый, независимый, широко образованный человек, он теперь посвятил себя наукам. Сначала он отдавал предпочтение естественным дисциплинам. Под руководством директора Музея естественной истории и профессора университета, основателя и ныне существующего Московского общества испытателей природы Григория Ивановича Фишера фон Вальдгейма (1771–1853) им были составлены «минералогический кабинет», коллекция бабочек, гербарий. В Обществе сельского хозяйства Чертков разрабатывал вопрос о развитии овцеводства в России.

Постепенно полюбившаяся с детства история оттеснила биологию и геологию на второй план. Наряду с прочим Чертков собирал старинные монеты. Таких коллекций в дворянских и купеческих домах было немало и раньше, но впервые собиратель подошел к делу научно и создал классификацию привлекавших его предметов. Труд Черткова «Описание русских древних монет», вышедший в нескольких выпусках в 1834–1842 годах, заложил основы отечественной нумизматики и долго сохранял свое значение. Даже в 1896 году другой наш виднейший нумизмат А. В. Орешников строил свое классическое исследование «Русские монеты до 1542 года» как дополненный вариант чертковского каталога.

Библиотека Черткова тоже не была первой ни по времени возникновения, ни по количеству книг, но в отличие от других она имела четкий профиль. Приобреталась «Россика» – издания, касающиеся России. К 1863 году их накопилось более 4700 томов, и владелец напечатал каталог, сопроводив каждое название подробной аннотацией. Получился ценнейший библиографический справочник. После смерти Черткова его сын подарил библиотеку отца, содержащую уже 17300 книг, городу Москве, построив для этого специальное здание. В 1870-х годах чертковское собрание передали Историческому музею, а уже в 1930-х оно легло в основу столичной Исторической библиотеки.

⁶⁹ Там же. С. 116.

⁷⁰ Шикман А. П. Улица Кирова, 7. М., 1989.

⁷¹ Телешова Н. Н. Забытые родственные связи Пушкина. Л., 1981. С. 57.

⁷² Горский В. Чертков Александр Дмитриевич // Русский биографический словарь. Т. Чаадаев—Швитков [22]. СПб., 1905. С. 346–354; Немировский А. И. Александр Дмитриевич Чертков (опыт научной биографии) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 44–59.

Коллекционировал Чертков и древности. Среди них особенно любопытна археологическая находка, сделанная в 1830-х годах и с тех пор в Подмосковье ни разу не повторившаяся. В 1825–1844 годах строился канал между Истрой и Сестрой, длиною 8 верст. Около Клина, у села Загорье на реке Сестре, в земле были обнаружены кости мамонта, два кремневых наконечника стрел и семь бронзовых изделий: топор-кельт и шесть наконечников стрел с шипами и втулками. Надзиравший за работами на канале лейтенант Ропп доставил эти вещи Г. И. Фишеру фон Вальдгейму. Тот описал их в двух изданиях, а потом передал Черткову.⁷³

Бронзовые предметы, несомненно, относятся к одному времени. Может быть, они входили в комплекс клада, а может быть, были положены в качестве погребальных даров в могилу. В любом случае возраст их ясен – VII век до нашей эры, самое начало железного века. Вместе с ними могли зарыть и кремневые наконечники. Все же вероятнее, что они, как и кости мамонта, найдены в другом месте. Каменные орудия в Подмосковье с тех пор находили не раз, а вот бронзовые изделия тех же типов, что в Загорье, пока что не встретились здесь никому.

Чертков опубликовал несколько книг и десятка два статей по истории античного мира, ранних славян и древней Руси. За эти труды в 1842 году его избрали в Петербургскую Академию наук. В 1849–1857 годах он возглавлял Общество истории и древностей Российских при Московском университете. Способствовал он и созданию в Москве Училища живописи, ваяния и зодчества. Оценивая деятельность Черткова в целом, мы с полным правом можем сказать, что для русского просвещения она была очень полезной.

Подкрепляют эту характеристику и его раскопки подмосковных курганов. Они были начаты у села Верхогрязье, в 5 верстах от Звенигорода и 42 – от Москвы. Ныне это село Грязь Одинцовского района. Отсюда в 1941 году отправился на фронт А. Т. Твардовский, о чем рассказано в его книге «Родина и чужбина». А за сто три года до того в Верхогрязье – имении Н. А. Толстого – велись строительные работы. При этом были снесены пять насыпей в расположенной там группе из шестнадцати курганов. Попавшиеся в земле старинные металлические вещи были описаны в «Журнале Министерства внутренних дел» и присланы в Общество истории и древностей Российских.⁷⁴ Осмотрев их, Чертков решил раскопать оставшиеся курганы. Четыре из них удалось изучить уже в сентябре 1838 года. Сообщение о своих исследованиях и сделанных находках Чертков напечатал в третьем томе «Русского исторического сборника» в 1839 году. Остальные семь курганов подверглись раскопкам в 1845 году, а полный отчет за два полевых сезона увидел свет в Петербурге в «Записках Археолого-нумизматического общества» на русском и французском языках.⁷⁵ И к той, и к другой статье приложены гравированные рисунки – первые научные публикации древних предметов из Подмосковья.

Курганы у Верхогрязья – обычные древнерусские захоронения. В пяти – лежали только костяки. Скорее всего, это могилы мужчин. В шести других при скелетах нашли женские украшения: типичное для земли вятичей височное кольцо – серебряную пластинку с дужкой наверху и семью лопастями, отходящими по полукружью вниз, шейную гривну, перстни, бусы, браслеты, бубенчики. Были здесь и крестики. Все эти изделия Чертков подробно описал.

⁷³ Гатцук А. А. Еще древние вещи Чертковского собрания // Русский архив. М., 1864. № 11–12. Стб. 1255–1257. Труды I археологического съезда. М., 1871. Хроника. С. LXVIII.

⁷⁴ Забелин И. Е. Список и указатель С. XXVI. О древностях, найденных в курганах сельца Верхогрязье, принадлежащего помещику Звенигородского уезда Толстому // Журнал Министерства внутренних дел. 1839. Ч. 33. № 9. С. 84–90.

⁷⁵ Чертков А. Д. О древних вещах, найденных в 1838 году в имении Н. А. Толстого // Русский исторический сборник. 1839. Т. 3. Кн. 3. С. 284–292. Рис. 1–4; Он же. Описание найденных в Звенигородском уезде древностей // Записки Археолого-нумизматического общества в Санкт-Петербурге. 1848. Т. 1. Вып. 3. С. 234–250. Рис. 25; Tchertkoff. Description du quelques objets antiques, trouves dans le district de Zwenigorod // Memoires de la Societe d'Archeologie et de Numisma-tique de St. Petersburg. 1849. Vol. III. P. 197–212. Pl. V.

Исследования были проведены тщательно, промерены высота и диаметр холмов, указано, какова их структура, насыпь снимали целиком, а не рыли яму в ее центре. Это позволило заметить ровики, откуда брали глину при возведении кургана.

По существовавшему в царской России закону владелец той земли, где велись раскопки, имел право на часть находок. Жена Н. А. Толстого взяла себе один из найденных в могилах медных браслетов, вызолотила его и носила на руке. Все прочие вещи Чертков забрал и сдал в Оружейную палату – единственный в ту пору московский музей.

Очень важно, что при описании находок Чертков распределял их по погребениям, а не характеризовал суммарно. Для чего это нужно? На кладбище могли быть похоронены деды, сыновья и внуки, бабушки, дочери и внуки. Орудия и украшения, положенные в их могилы, не были тождественными. Смешав эти вещи в кучу, неопытные археологи теряют ценную информацию.

К обработке добытых материалов Чертков привлек специалистов по естественным наукам. Черепа он послал в Петербург знаменитому биологу академику Карлу Максимовичу Бэру (1792–1876), а металлические вещи передал на анализ профессору химии Московского университета Родиону Григорьевичу Гейману (1802–1865). Его заключение приведено в публикации. (Нам часто кажется, что применение точных методов в археологии – достижение середины XX века. Это не так. Уже в 1810-х годах известный физик Гемфри Дейви был приглашен на раскопки в Помпеях, чтобы найти способ развернуть обнаруженные там свитки папирусов и определить состав древних красок).⁷⁶

Чертков пытался ответить и на два самых трудных вопроса – к какому времени относятся раскопанные курганы и какой народ их насыпал. В этой связи он отметил, что в могилах не было ни одного железного предмета, и на этом основании склонен был считать их очень древними. В сознании исследователя как-то не укладывался тот факт, что подмосковные крестьяне через много лет после крещения Руси все еще хоронили сородичей по языческому обряду – зарывали с ними всякие вещи, а потом насыпали высокий холм. Поэтому Чертков думал, что курганы не русские, эпохи христианства (хотя сам нашел медные крестики), а гораздо более ранние. В 1838 году он приписывал их упоминавшимся в летописях племенам мере и муроме, а в статье 1848 года говорил о «варяго-россах».

Вел ли Чертков раскопки в Подмосковье в более поздние годы, неизвестно, но в его коллекции были древности еще из одной курганной группы – у села Курово, Черкасово тож, Дмитровского уезда (ныне района).⁷⁷

Таким образом, как полевой работник раскопщик Чертков стоял на большой высоте. В первой половине XIX века делал то, что не всегда делали его преемники сто лет спустя: описал находки по курганам, а не все в куче, выявил ровики, сохранил и послал специалистам черепа. Основная задача была им успешно решена. Стало ясно, что курганы – погребальные памятники, а не фортификационные сооружения, насыпи над индивидуальными захоронениями, а не братские могилы, погребения древних обитателей Подмосковья, а не татар, литвы или французов.

Материалы из раскопок под Звенигородом долго служили эталоном при определении древностей, найденных в Центральной России. В 1843 году у села Ворыпаевка Коломенского уезда (ныне района) были случайно снесены два кургана. При описании предметов, извлеченных из них, уже дана ссылка на находки в Верхогрязь.⁷⁸

⁷⁶ Оствальд В. Великие люди. СПб., 1910. С. 38.

⁷⁷ Гатцук А. А. Еще древние вещи... Стб. 1256–1257.

⁷⁸ Остатки древностей, найденные в Московской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1843. Ч. 3. № 8. С. 293–297. См. также: Московские ведомости 26 июня 1843. № 75. С. 450; Мазуров А. Б. Одна из первых находок вятических древностей // Российская археология. 1999. № 4. С. 221–224.

Как историк, стремившийся проникнуть в глубь веков с помощью раскопок, Чертков проявил себя слабее. Это неудивительно: средневековые археологические памятники в его время были изучены в России куда хуже античных. Раскопок было проведено мало, коллекции еще не накопились, и никто не смог бы подобрать новым находкам убедительные аналоги среди уже опубликованных. Методы сопоставления письменных и вещественных исторических источников тогда только нащупывались.

Первое сообщение Черткова вызвало отклик – «Некоторые замечания о курганах» – в петербургском журнале «Отечественные записки» за 1844 год. Под статьей стоят инициалы Н. У. Можно догадаться, что принадлежит она академику Николаю Герасимовичу Устрялову (1805–1870). Изложив наблюдения Черткова, в отличие от него автор связывал курганы со славянами «эпохи до Владимира Святого», т. е. до крещения Руси.⁷⁹

Вслед за Чертковым принялись рыть могильные холмы около своих имений в Подмосковье и другие любители. На раскрашенной от руки таблице в роскошном альбоме «Древности, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе» мы неожиданно видим изображение вещей из раскопок не на Украине, а у села Успенского под Звенигородом (ныне Одинцовский район). Объясняется это тем, что киевский губернатор, типичный представитель николаевской администрации Дмитрий Гаврилович Бибииков (1792–1870) – номинальный глава Комиссии для разбора древних актов, занимавшейся архивными и археологическими изысканиями, – был владельцем Успенского. В аннотации к таблице сказано, что в июне 1845 года здесь было вскрыто двенадцать насыпей. В шести оказались только скелеты, а в шести других – и металлические украшения. На таблице показаны шейная гривна и два семилопастных височных кольца.⁸⁰

В 1867 году в книге о подмосковных курганах А. П. Богданов перечислил их исследователей. Д. Г. Бибиикова в списке нет, но зато назван Н. Д. Иванишев.⁸¹ Николай Дмитриевич Иванишев (1811–1874) – юрист, ректор Университета святого Владимира, жил в Киеве, где активно сотрудничал в Комиссии для разбора древних актов.⁸² Представляется вероятным, что Бибииков пригласил своего подчиненного провести лето в Успенском и поручил ему последить за раскопками курганов около имения. Предполагать, что Иванишев сам изучал какие-то другие подмосковные курганы, нет оснований.

Более любопытны для нас раскопки Степана Дмитриевича Нечаева (1792–1860). И сам по себе он интересен, а главное – о своих находках он, как и Чертков, опубликовал вполне серьезную статью.

Нечаев был членом декабристского Союза Благоденствия, дружил с В. К. Кюхельбекером, А. А. Бестужевым, писал стихи, хорошо знал Пушкина. Сохранилось два письма поэта к нему. Первое, 1834 года, носит официальный характер, второе – более позднее – иное по тону, чисто дружеское послание.⁸³ В 1817–1823 годах, будучи директором училищ Тульской губернии, Нечаев не раз посещал место Куликовской битвы и собирал там выпавшие из земли древние вещи. Эти находки – бердыш, наконечник стрелы, крестики – он зарисовал и поместил рисунок вместе с рассказом о Куликовом поле в «Вестнике Европы». Пожалуй, это первое воспроизведение в печати памятников древнерусской материальной культуры.⁸⁴

⁷⁹ Н. У. Несколько замечаний о курганах // Отечественные записки. СПб., 1844. Т. 34. Смесь. С. 84.

⁸⁰ Древности, изданные Временною Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1846. С. 19–21. Таб. 10.

⁸¹ Богданов А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии // Известия Общества любителей естествознания... 1867. Т. 4. С. 6.

⁸² Романович-Славатинский А. В. Жизнь и деятельность Н. Д. Иванишева. СПб., 1876; Михальченко С. В. Киевская школа в российской историографии. М. 1996. С. 17–30.

⁸³ Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 16 т. М., 1948. Т. 15. С. 109; 1961. Т. 16. С. 88.

⁸⁴ Нечаев С. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. Ч. 69. № 14. С. 125–129; С. Н.

Более того, именно Нечаев поднял вопрос о необходимости увековечить победу Дмитрия Донского. Чугунная колонна, возведенная по проекту А. П. Брюллова на поле Куликовом в 1848 году, построена на средства, собранные по инициативе Нечаева.⁸⁵

Рано отошедший от декабристских организаций Нечаев не пострадал после разгрома восстания. Карьера его развивалась удачно. Он стал даже обер-прокурором Синода. Но занятия русской стариной не оставлял, был деятельным членом Общества истории и древностей Российских, участвовал в его изданиях.

Заметка «Известие о разрытии десяти курганов в Бронницком уезде» во «Временнике Общества» за 1855 год немногословна. На реке Северке у села Авдотьино (ныне Ногинский район), где провел последние годы жизни и похоронен великий русский просветитель Н. И. Новиков, автор раскопал десять насыпей. В каждом кургане было по скелету, обращенному головой на восток, и по глиняному горшку. Кроме того, встретились серебряные и медные шейные гривны, серебряные височные кольца, браслеты, перстни, двадцать две бусины из горного хрусталя и две редких для подмосковных курганов железных вещи – серп и наконечник стрелы. Еще несколько серпов было найдено при позднейших раскопках курганов, наконечники же не попались больше ни разу. Люди, хоронившие своих сородичей под земляными холмами, вообще не клали в могилы оружия. В данном случае стрела обнаружена вонзенной в череп одного из скелетов. Значит, это останки человека, убитого в каком-то сражении.

Нечаев отметил, что полученные материалы очень похожи на те, что выявлены в Верхогрязье, с чем нельзя не согласиться. К статье приложен рисунок серпа и ряда украшений. Недостаток этой публикации в том, что описания находок по курганам в ней нет.⁸⁶

Так же как и Чертков, Нечаев передал металлические предметы из своих раскопок на химический анализ. На этот раз его провел в лаборатории аптеки Феррейна профессор химии Московского университета Николай Эрнестович Лясковский (1816–1871). Оказалось, что серебро украшений крайне низкопробное, с большой примесью меди. Как ни удивительно, на этот анализ А. В. Арциховский ссылался еще в 1930-х годах. За семьдесят пять лет, прошедших после определения Ляковского, новых анализов вещей из курганов не делал никто.⁸⁷

В том же выпуске «Временника», где увидела свет заметка Нечаева, напечатана статья профессора истории Московского университета Ивана Дмитриевича Беляева (1810–1873) «Несколько слов о земледелии в древней Руси». Наряду с письменными источниками автор использовал и археологические, в частности, серп из Авдотьино. Беляев полагал, что он происходит из погребений славян-язычников и относится в X веку.⁸⁸

Четвертый исследователь подмосковных курганов – Алексей Алексеевич Гатцук (1832–1891) вел раскопки уже в 1860-х годах, но по подходу к ним теснее связан с предшествующим периодом, чем с последующим.⁸⁹ Богатый украинский помещик Гатцук учился в гимназии и университете в Москве, потом служил на юге России, а выйдя в 1861 году в

Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. 1821. Ч. 71. № 24. С. 348–357.

⁸⁵ Мухина С. Н. Безвестные декабристы (П. Д. Червин и С. Д. Нечаев) // Исторические записки. 1975. 96. С. 242–249; Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 97–116.

⁸⁶ Нечаев С. Д. Известие о раскрытии десяти курганов в Бронницком уезде // Временник Общества истории и древностей Российских. М., 1855. Т. 22. Смесь. С. 7–8.

⁸⁷ Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930. С. 46.

⁸⁸ Беляев И. Д. Несколько слов о земледелии в древней Руси // Временник общества истории и древностей Российских. Т. 22. С. 38, 39.

⁸⁹ О нем: Ельницкий А. Гатцук Алексей Алексеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Гааг—Гербель [Т. 4]. С. 270–273; Слуцкий С. С. Алексей Алексеевич Гатцук // Памяти отца-наместника Леониды, А. А. Гатцука, Н. А. Попова и А. А. Котляревского. М., 1893. С. 360–367; Лепехин М. П. Гатцук Алексей Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917. М., 1989. Т. 1. С. 531.

отставку, навсегда обосновался в первопрестольной. Тут он сблизился с А. Д. Чертковым, В. И. Далем, В. Ф. Одоевским, И. С. Аксаковым, М. П. Погодиным и занялся издательской деятельностью. Главной продукцией его были «Крестовые календари» и, как приложение к ним, «Газета Гатцука». В своих мемуарах «Жизнь для книги» И. Д. Сытин говорил, что для миллионов русских читателей долгое время календарь был единственным источником знаний, и помянул добрым словом двух своих предшественников в издании календарей – сподвижника Петра I Якова Брюса и А. А. Гатцука.⁹⁰ Действительно, в «Крестовых календарях» мы увидим не только справки о церковных праздниках, чинах, мерах веса, железных дорогах, судебных учреждениях и т. д., но и статьи научного характера. Составлять их помогали профессора университета О. М. Бодянский и М. П. Погодин. Что касается газеты, выходившей в 1875–1888 годах, то это первая русская иллюстрированная политическая газета. Интересны в ней биографические очерки примерно о семистах русских и зарубежных деятелях. Гатцук написал несколько научно-популярных брошюр. Одна посвящена Николаю Копернику, вторая – археологии. Эта книжка, «Старина Русской земли», подготовленная в 1866 году при горячей поддержке В. Ф. Одоевского, до революции переиздавалась еще восемь раз. Доступный для каждого рассказ о первобытной эпохе сопровождался более чем семьюдесятью рисунками разнообразных древних вещей. Ценно и то, что тут дан список научных учреждений, куда следует передавать археологические находки.

⁹⁰ Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1960. С. 68.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.